

Где живёт Водяной

16+

Александр Токарев

Александр Владимирович Токарев

Где живет Водяной

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=33164800

SelfPub; 2018

ISBN 978-5-532-11137-0

Аннотация

Книга посвящена рыбной ловле и мистической силе Природы. Сборник состоит из отчетов с рыбалок и рассказов, то есть тех простых историй, которые непременно случаются с рыболовами на воде и зимнем льду, будь то смешные случаи и трагические. Все бывает во владениях сказочного Водяного Дедушки, Водяного, присутствие которого всегда можно ощутить на одиноком озере, где струится лунная дорожка, шепчут деревья и тихо плещет рыба. И чувствуется пристальный взгляд из чёрного омута...

Содержание

Ночь на льду	4
Хитрый Ванька	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Ночь на льду

Лет мне тогда было поменьше, чем сейчас, только с армии пришел. И глухие безлюдья тогда не избегал, а скорее приветствовал. Хорошо было мне одному вдали от городской суеты, идеологического маразма и торопливой меркантильности. Чтобы встречать одинокие рассветы на тихом озере в легкой тоске, граничащей с восторгом. Уходить теплой тропой в падающий закат, в запахи живицы и багульника, в гул сосновых боров и тишину черных междюнных озер. Просыпаться ночью в тревожное полнолуние под пристальным взглядом Селены, пришедшей из темных дней Гекаты. Наблюдать в ослепительном инферно обнаженных ведьм на шабаше. А то и Маргарита – сподвижница Мастера – спустится по лунной дорожке в лукавой наготы и ведмичьей раскошности. Подмигнет эротически и... пошлет подальше самой, что ни на есть, площадной бранью... Словом, чего только не случается, когда бываешь один в лесу или в ледовой пустыне водохранилища несколько дней и ночей... И на льду ночевать тоже приходилось, чтобы не месить многие километры сырого снега к ночлегу и обратно. К тому же ночью, случалось, попадался на щучьи жерлицы налим, если опустить живцов на дно, а едва зарумянится рассвет, судак начинал поднимать флажки, да все тяжело-литой – за четыре с

лишком кило... После судаков уже щуки выходили, хватая с веселой злостью живцов-сорожек и раскручивая со свистом катушки жерлиц.

В этот яркий и тихий день я открывал для себя новые места. На открытой Волге-водохранилище постепенно исчезли затопленные дубовые и березовые рощи, сгнившие на корню или спиленные по уровню льда. Крупный хищник, придерживающийся ямных коряжников, куда-то ушел. Ушел и я с привычных и щедрых на рыбу волжских плато, пусть и выдуваемых насквозь ледяными ветрами.

Меня давно манили лесистые острова, за которыми скрывались широкие и узкие протоки. И вот я уже здесь. Ослепительно белая протока безлюдна и непорочно чиста, без единой лунки. Это как раз для меня... Пробурив пару лунок у сухого дуба, замороженного в лед, опускаю белую «капельку» с полукольцом мотыля. Едва мормышка начала опускаться ко дну, кивок вдруг замер и выгнулся вверх... Тук! – отдалось в руке. В полводы начала брать мелкая и средняя сорожка-плотва. Затем поклевки последовали уже у дна, а потом прекратились вовсе. Что-то произошло там, подо льдом... Но теперь у меня уже достаточно много шустрых и сильных живцов, блестящих темным серебром. Пора выставить жерлицы.

Только я начал опускать живца на тройнике в лунку, как последовал сильный толчок, и рука сама поддернулась кверху, повинувшись инстинкту щукаря-добытчика. Есть!.. На лес-

ке упруго и властно осаживалась крупная рыбина. Она была столь упорна, что пришлось отпускать леску под ее яростным напором. Вскоре на льду забились щука, желтобрюхая и яркоглазая, с алыми как у сороги плавниками.

День прошел в ловле плотвы-сорожки, нередко – с рукавицу размером. Попадались и мерные окуни. Но парадным выходом были щучьи подъемы. На белой чистой протоке вдруг загорался флажок жерлицы и трепетал на ветру. Этот простой вскид кусочка алой ткани был необъяснимо завораживающим. Он словно связывал тебя какими-то нитями с Вселенной, лежащей подо льдом. Там шла своя жизнь, и черные тени мелькали среди позеленевших коряжин, словно среди щупалец осьминога. Копошился рак, перекусывая клешнями трупик снулой рыбки. Блестел бочок красноглазой сорожки, но тут открывалась жадная пасть и смыкалась, поднимая кверху череду пузырей. Прыскала по сторонам стайка полосатых окуньков, охотясь загоном, и затем чавкала жадно на мелководье нежными мальками-верховками. Там, подо льдом, существовал другой мир. И ты к нему был причастен именно через упругий и азартный вскид пружинки с флажком. На леске бились матерые щуки, а потом сгибались и разгибались на сухом снегу в яростной мускульной силе, сахарясь инистой крошкой.

Я как-то и не заметил, что солнце остановилось над горизонтом, налилось красным и опало за резко очерченное мелколесье. Зарозовело вечернее небо, переходя из прозрачного

в нежную зелень-синеву, в которой уже начали проступать бледные звезды. На снег легли длинные тени, запахло морозом и холодной липовой корой-лыком. Пора к ночлегу. На льду мне ночевать не впервой, к тому же рядом лес, а, значит, будут дрова и теплая земля, если докопаться до нее в плотном снегу. Спать среди снежных стен и на еловом лапнике у костра – это не на льду, где снизу веет могильным холодом, а костер проваливается в полыню, выеденную огнем.

Едва я устроился уютно на охапке сучьев и лапника, нежась в тепле костра, достал заветную фляжку, чтобы погреться с устатку, как вдруг... Через остров в сумерках перевалила темная фигура с поклажей на санях... Чуть ли не на развальнях деревенских, какие обычно лошади тянут. Станный поезд двинулся было в направлении моих жерлиц, но отвернул в сторону и остановился неподалеку. Вскоре на льду уже стояла громадная, чуть ли не армейская, палатка, а над ней воздвиглась длинная труба. Из трубы за клубился ароматный дымок, идущий по слабому ветру ко мне. Палатка осветилась изнутри призрачным огнем, от которого на синем льду стало по-домашнему уютно. Все было сделано так слаженно и быстро, что я не поверил своим глазам: не привиделось ли? Но я ведь и к фляжке еще не притронулся...

Через какое-то время от палатки отделилась темная фигура и направилась к моему костру.

– Ну, здравствуй, что ли, парня! – как-то по вятски обратился ко мне незнакомец. Был он бородат и, как мне показат-

лось, с безуминкой в блестящих глазах.

– Здравствуйте, – осторожно ответил я.

– Тут что ли сопли морозить собрался? Давай, не дури, па-а-дем ко мне, а то скушно одному среди темени. Одичал я тут... Ляксея меня зовут, Ляксея Митрич, Ляшак...

– А почему, Лешак?

– А я знаю? Зовут и все.

В палатке лешака познакомились поближе и располовинили фляжку, благо про запас и стеклянная в рюкзаке еще завалилась...

– А чего вы тут остановились, Алексей Дмитриевич? Можно было и на острове палатку разбить. Теплей на земле и устойчивей. Тут и печка провалиться может, – замечаю.

– Так я ж не бока греть собираюсь, Саня, а рыбачить. Это что? – дед отдернул кусок плотного брезента, и под ним открылись две лунки во льду.

– А кого ловить-то будете?

– Сейчас увидишь.

Алексей Дмитриевич достал грубый удильник для блеснения с большой открытой катушкой и толстенным металлическим кивком-сторожком, подмотанным попросту синей изолентой.

– Ты, парня, сам того не зная, расположился на рыбном месте. Борозда здесь, корыто. Может, ручей был до затопления. Сам-то поймал чего за день?..

– Щуки взял достаточно, и крупная есть.

– Вот и оно. А я здесь промыслю еще с перволедка, тютя.

– Почему, тютя?

– Так тебе это баловство, а для меня работа. Жить-то надо. Как завод накрылся наш, так и обитаю здесь. По возрасту никуда уже не берут. За островами, на Заячьей, и молодые обретаются, токаря да фрезеровщики, ети... Вместо того чтобы у жены под теплым боком греться, здесь коки студят, простатит, туда его в коромысло!.. Ну, ладно об этом. Давай еще за знакомство...

Закусив, Алексей Дмитриевич, насадил на крупную свинцовую мормышку мочку червей и опустил в лунку. На узкую и тоже тяжелую блесну-самodelку посадил половинку ерша с хвостиком. И тоже отправил в лунку. Посмотрел на часы и подмигнул мне:

– Смотри...

Высунув язык, Алексей Дмитриевич макал удильником вниз, крутил по кругу, поддергивал, и снова осаживал вниз обманку, видимо, создавая ей, тяжелой, муть на дне, стук и возню неповоротливую. Вдруг он коротко поддернул удильник кверху и начал кого-то вываживать. В черной лунке заплескало, показалась массивная черная голова с одним усом под нижней губой. Налим!.. И не маленький.

– А ты мямил, чего тут делать, чего тут делать ночью? – раскраснелся дед. – На, держи, – он сунул мне удильник. – А я пойду жерлицы ставить. Самое время, налим токи вышел, до полуночи ждем, а потом и на боковую можно. Пред

рассветом повторим. И тогда иногда берет. А с утра, с самого ранья, судака будем ждать, а затем щуку. Чего тут делать, чего тут делать, – слышалось вроде бы ворчливое уже из-за палатки.

Но мы так и не спали до утра. Дразнили обманками мрачного налима, вываживали ледяных рыбин, обрезая поводки и снова привязывая, чтобы не копошиться в крепких налиминых глотках. Выходили в черную стынь к жерлицам, где, освещенные фонариком, трепетали флажки, и опять снимали налимов. Возвращались в уютное и вкусное тепло палатки, где трепетали на полотняных стенах блики от печки-буржуйки, и оплывала свеча. Резали дольками лук-репку, мясистое в прожилках копченое сало, и пили водку в ощущении теплого братства и волшебной ночи... Ослепительно яркое и высокое звездное небо раскинулось безраздельно над маленьким светящимся островком-палаткой, где грелись две человеческих души, понимающие друг друга. И уже открылось мерцающее Параллелье в падающем свете полной Луны, вышедшей из-за кулис черных ельников и сосняков на коренном берегу.

С индевелым и румяным рассветом волшебство исчезло, но пришел день в ярких сполохах солнца, свежих ветрах и вскидах алых флажков. Замирало сердце и стучало в висках, а на леске яростно бились тяжелые щуки, проворачивая багор в застывшей ладони. И был еще один день щучьей охоты, один из многих, но оставшийся в памяти навсегда вместе с

налимъей ночью...

Хитрый Ванька

Иногда устаешь от волнового наката, бьющего в волжские берега, пенящихся тяжелых валов в бесконечных далях водохранилища, гудения лодочных моторов в протоках, беспокойного неба, прожилистого от белесых облаков, гонимых долгими ветрами. Устаешь от уколов озерных окуней-недоростков, монотонно хватающих крутящуюся обманку или фальшивую силиконовую рыбку. Все это уже было неоднократно, и исчезает тайна, заставляющая дрожать руки в необъяснимом азартном возбуждении. Глаза привыкают к знакомым ландшафтам, и росистые зори теряют свои краски и запахи. И тогда возвращаешься к бесхитростной поплавочной аксаковской ловле где-нибудь на малой речушке, милостивой, как все незатейливые сельские пейзажи.

Мы искали пруд, легендарный пруд, где, по рассказам аборигенов, отчаянно клевал медный карась. Наш экипаж – это я и сын Иван, настороженно, словно зверек, замерший на сиденье, устроенном на раме спортивного велосипеда. Мы неслись в закат и обгоняли всех попутных велосипедистов. И сын этим гордился, поскольку работал «мотором»: гудел, брынчал губами, взывал на подъемах, как некий натруженный двигатель внутреннего сгорания. Солнце падало в луга, пахло душисто цветочным на вечерней росе настоем и пер-

вой скошенной увядающей травой. Теплый ветер порывами приходил с юга, путался в волосах и останавливал велосипед. Но мы уже неслись с горы, и тогда «мотор» довольно урчал, словно котенок из львиного прайда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.